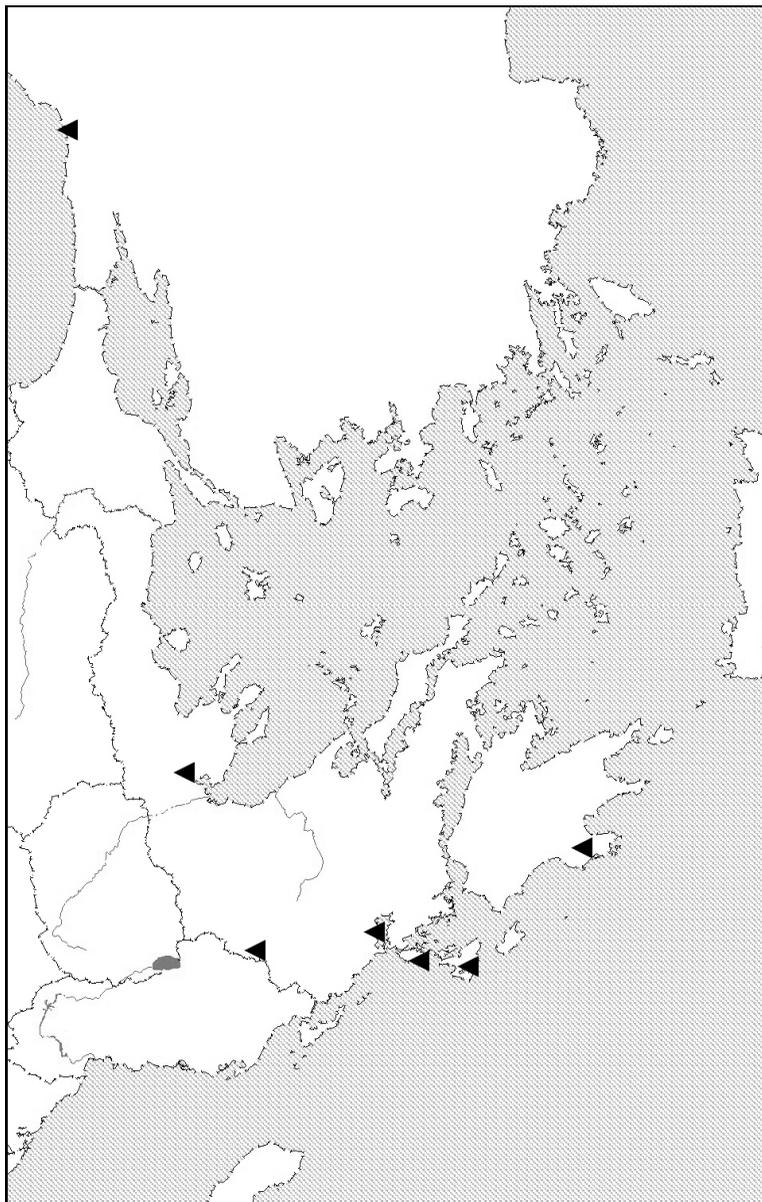

О. В. Чёха
(Москва)

Греческие параллели к славянскому *бадняку*

В статье рассматривается характерный для ряда областей материковой Греции рождественский обряд, известный как «женитьба огня» или «женитьба очага» (*πάντρεμα της φωτιάς*, фрак. *πάντρεμα τζακιού, πάντρεμα της γωνιάς*) (см. карту 1), а также другие ритуалы, связанные с сожжением рождественского полена. Обычай вырубания и сжигания в Сочельник деревянной колоды, пня или ствола дерева, известный многим народам Европы, на Балканах встречается не только у греков, но также у албанцев (*buzëm*) и особенно у южных славян (*бадняк*), где этот ритуал занимает центральное место в обрядах святочного цикла. Интересно в этой связи проследить точки сближения и расхождения в совершении обрядовых действий с поленом в новогреческой и славянских (сербской, болгарской, боснийской, македонской) традициях, а также определить, какой символикой наделяют рождественское полено славяне и современные греки.

Согласно опубликованным в XX в. записям, «женитьба огня» происходит следующим образом: в Сочельник хозяин кладет в очаг два полена: ровное, которое считается «мужчиной», и сучковатое, представляющее собой «женщину». Затем под пение псалма «Благослови, душе моя, Господа» льет на них масло и поджигает [Карлатάκης 1981: 89]. В Фессалии (область Аграфа) и на Лефкаде эти поленья, символизирующие хозяйку (невесту) и хозяина (жениха) брали от «женского» и «мужского» дерева (например, от вишни и платана или кедра) [Μέγας 1949: 118]. На Керкире и Кефалонье в огонь подкладывали еще и третье полено — «свата» (*κοιμλάρος*) [Λουκάτος 1979: 22]. Три полена также жгли от Сочельника до Крещения во Фракии (село Δογαν-κιοῦ) [Δεληγιάννη 1934: 33]. Наконец, в очаге валахов-каракачан стояло девять «брачующихся поленьев» (*παντρόξυλα*): «Поленья ставят попарно, чтобы было у очага больше силы, чтобы все было хорошо. Жгут мужские поленья от дуба, оливы, дикой груши и женские от мутовчатой спаржи, держидерева <...>. Предпочтение отдается колючим деревьям, потому что они отгоняют всё плохое. Роль жениха или мужа очага отводится головне — ее ставят в середину, и пока она потихоньку горит вместе с другими поленьями, мужскими и женскими, и происходит свадьба очага, брачное единение поленьев в священном

Карта 1. Ареал фиксации термина «женитѣба огня (очага)»

очаге¹. После обеда хозяйка вытаскивает головню и относит в овчарню» [Σιέτ-
τος 1975: 320].

Помимо представлений поленьев «женихом», «невестой» и «сватом», именованый поленьев «брачующимся», головни — «мужем огня», а самого ритуала — «свадьбой», к числу брачных мотивов интересующего нас обряда можно отнести также символику разламывания, потрескивания поленьев в очаге, связываемую с потерей невестой девственности. Так, говорили, что «огонь вышел замуж» (греческое *огонь* – существительное женского рода), в тот момент, когда слышали треск горящих веток. См., например, следующую запись: «(...) рядом со снопиком колосьев в очаг клали стебель спаржи, “чтобы тот с нею (т. е. спаржей) поспал” (να κοιμηθεί μαζί της), и когда раздавался треск загоревшейся спаржи, говорили, что “огонь женился”» (παιτρεύτηκε η φωτιά) (Пелопоннес, Пилос) [Μέγας 1949: 118].

Традиционно брачные мотивы присутствуют в славянских ритуалах, связанных с получением «живого огня», которое трактуется как его «рождение». В Болгарии, например, для этого берут деревья «мужской» и «женской» природы, а разжиганием занимаются парень и девушка (подробнее см. статью *Огонь «живой»* [СД III, 2004: 519–521]). В приведенных выше примерах не упоминается получение огня трением двух поленьев друг о друга, но некоторые сходения («мужские» и «женские» породы дерева, представления о разжигании огня как о половом акте) и время совершения ритуала — в Сочельник, воспринимающийся как начало нового года, — позволяют видеть в обряде «женитьбы огня» следы архаичного ритуала получения нового огня в новом году.

Безусловно, подобное истолкование обычая «женить огонь» сохраняется не во всех местах фиксации термина и/или обряда на территории Греции². В некоторых случаях главенствующее значение приобретает сама идея свадьбы и сопутствующая ей продуцирующая семантика (в связи с чем имитация свадьбы часто присутствует в обрядах новогоднего и масленичного циклов [Гура 2012: 753]. Так, в северном Эпире (Πωγωνί) «женитьбой огня» назывался обычай бросать кедровые ветки в очаг утром рождественского дня с при-

¹ Ср. пелопоннесское сообщение (Пилос) о том, что горящее в Сочельник полено в очаге символизировало жениха в тех домах, где были девушки брачного возраста [Καρπάτσας 1981: 89].

² В некоторых случаях термин теряет и календарную приуроченность: в районе Арты термин «женить огонь» (παιτρεύω τη φωτιά) отмечен только в значении ‘бросать в огонь кедровые или дубовые ветки’ [Διακόντης 1980: 832].

говором: Όσα φύλλα και κλαρυιά / τόσα γρόσια και φλωρυιά (Сколько листьев и веток, столько медных и золотых монет) или (в семьях пастухов): Όσα φύλλα και κλαρυιά τόσα ρινικάτσικα (Сколько листьев и веток, столько овец и коз) [Μήτσης 1990: 95]. В других случаях наблюдается перенос смыслового акцента с активного или пассивного участника действия (огня) на место совершения обряда (на очаг) — ср., например, такие его названия, как фессал., лэфкад. *πάντρεμα τζακιού, πάντρεμα της γωνιάς* [женитьба очага]. На о-ве Кефалонья записан обычай «крещения огня» (*βάφτισμα της φωτιάς*) или «разламывания калача» (*σπάσιμο τσῆ κουλούρας*) [Λουκάτος 1979: 22], который представляет собой модифицированный и переосмысленный ритуал «женитьбы огня», строящийся вокруг действий, совершаемых у очага:

В Сочельник разжигают огонь поленьями от трех деревьев: оливы — для урожая масла, винограда — для урожая вина, мастикового дерева — от демонов. Над этим огнем все домашние держат калач, а мать крест-накрест льет масло и вино (может лить и хозяин, если он разводит оливы и виноград) через отверстие в калаче на огонь со словами: «Χριστός γεννᾶται, / τό φῶς ἀξιάζει, / καί τό σκοτάδι μικραίνει» [Христос рождается, / свет увеличивается, / а тьма уменьшается]. Потом калач ломают. Тот, в чьем куске окажется монета, будет удачливым весь год [Λουκάτος 1979: 22].

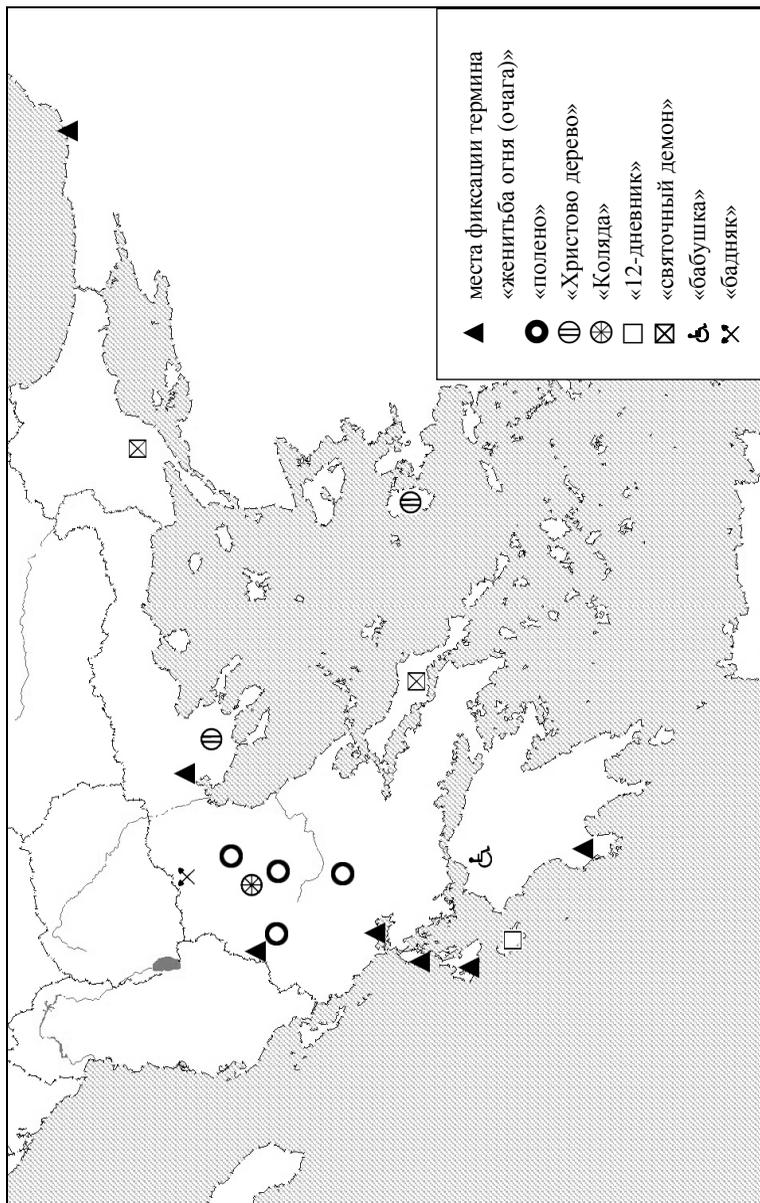
В греческой литературе отмечается связь обычая «женитьбы огня» с практиками разведения рождественских костров на севере Греции [Λουκάτος 1979]. Однако еще в большей степени рассматриваемый обычай сходен с южнославянским обрядом сожжения *бадняка* — полена (или поленьев), которое горит в очаге с Рождества до Крещения³. Ср., напр., приведенные выше при-

³ *Бадняк* изготавливали из дерева дуба, реже — груши, оливы и плодовых деревьев. Выбор дерева, внесение его в дом и произносимые при этом благопожелания, разжигание рождественского полена строго регламентировалось: например, дерево нужно было срубить в полном молчании одним или тремя ударами топора, нередко — в чужом лесу; прежде чем положить *бадняк* на очаг, хозяин произносил: «Пусть будут здоровы и живы люди, овцы, ягнята, телята, коровы, волы, быки, кони, свиньи, куры, чтобы все закрома были полны!» (вост. Сербия). На очаге полено двигали, чтобы продвигались дела и благополучие дома; «пеленали» его в рубаху, «кормили» — мазали медом или салом, лили вино в пробурванное отверстие, посыпали зерном; наблюдали за горящим *бадняком*, чтобы не пропустить момент, когда он перегорит посередине и развалится на две части — первому увидевшему нередко полагалась награда. После Крещения обгоревший *бадняк* зарывали в поле, винограднике, делали кресты (Поморавье, Верхняя Пчина и Македония) или клиншки для рала (Герцеговина), затыкали в хлебном амбаре и хлеву (юго-зап. Босния); пеплом посыпали корни плодовых деревьев, сыпали в рассадку, натирали скот и проч. (подробнее см. статью *Бадняк* [СД I, 1995: 127–131]).

меры с сообщениями из центральной Сербии и с севера славянской Македонии, где в Сочельник поджигали два полена от разных деревьев («мужского» и «женского»), или из Грузии, где на *бадняк* клали «колач» и поливали его вином (подробнее см. статью *Бадняк* [СД I, 1995: 127–131]). В то же самое время собственно в греческих обрядах с рождественским поленом такие ритуалы не встречаются, хотя обычай жечь полено, ветки, корни (κουτούκι) или пни (κ'φάλες) деревьев [Καρπατάκης 1981: 89] в течение всего святочного периода распространен в Греции достаточно широко.

В научной литературе и диалектологических словарях греческого языка фиксируется сразу несколько названий такого полена (см. карту 2), из которых самым частотным является именование с общим родовым значением ‘чурка, чурбан, пень’ — *κούτσουρο* (зап.-макед. Козани, Салоники, Гревена; эпир. Загори, фессал. Кардица) [Σιέττος 1975: 321, 324; Λαζαρίδης 1977: 711; ΛΑΙ: 54]. На о-ве Хиос полено оливкового дерева, которое хозяин в канун Рождества ставил посреди комнаты, называют «Христовым деревом» — *χριστόξύλο*. Дети осыпали его орехами и миндалем, которые получили во время колядования, а затем Христово дерево брала хозяйка и клала его в домашний очаг, чтобы горело двенадцать дней и не затухало [Μέγας 1949: 117]. В северо-западной Греции (р-н Козани) полено называли *κοιλάδοι* (Κουλιαντάς)⁴ или *κοιλάδικом* (Κουλιαντάρ'ς) и ставили возле него невысокие чурки по числу членов семьи [Зайковские 2001: 158]. Обычай сохранять полено в очаге в течение всего святочного периода и поджигать на Рождество, Новый год и Крещение отразился в наименовании его *δωδεκαμερίτης*, т. е. двенадцатидневником (Закинф) [Μέγας 1949: 117]; а убежденность в том, что дым горящего дерева отпугнет святочных демонов (каликандзаров), привела к появлению такого названия, как *σκάρκάντζαλος* (Месемврия (совр. болг. Несебър) или *σκάλικατζούρι* (о. Эвбея): «Мы называли его (полено) *скаркандзалом*, потому что оно и было от скаркандзалов; жгли его и защищали дом от скаркандзалов» [Μέγας 1949: 117; Παλαποστόλου 1964: 42].

⁴ Отметим в связи с этим записанное там же *Κόλιαντα* (Коляды) ‘Рождественский сочельник’ и *τ'Αι-Κολέντρ* (день) святого Колендара] ‘день перед Рождеством, когда забивали свиней’ (Гревена) [Καρπατάκης 1981: 82], *τ' άη-Κουλέντ* (св. Коляды (день)) ‘Рождество’ (Верия) [Σβαρνόπουλος 1973: 112], вообще корень *κολέντ-*, являющийся опорным для многих дериватов, служащих для обозначения ползника, колядных песен, обрядового хлеба и выпечки [Καρπατάκης 1981: 79; Σιέττος 1975: 317; Зайковские 2001: 158], а также болгарские соответствия типа болг. *коладник* ‘дубовое или другое полено, сжигаемое в ночь на Рождество’ (р-н Сливена), *коладник* ‘огромное дерево, которое приносили накануне Рождества и жгли в очаге трижды: в Сочельник, на Новый год и Богоявление’ (р-н Бургаса) [Плотникова 2004: 411].

Карта 2. Названия полена, сжигаемого в очаге в период святок

Повсеместная вера в то, что едким дымом от очага можно обезопасить дом и домашних⁵, привела к тому, что в рождественском полене начинают видеть исключительно апотропей. См., например, быличку из Гревены, о человеке, над которым подшутили каликандзары:

Как-то раз один человек не положил полено (κοῦτσοῦρο) в очаг, а наступило Рождество. Этот человек был большим упрямым. Вечером, когда все спали, он услышал в доме шум и решил поглядеть. Вдруг кто-то стал его гладить [досл. — ласкать] и гладил так долго, что в какой-то момент (человеку) стало больно. Он приподнялся и что же увидел! Увидел каликандзаров, которые не гладили его, а обмазали нечистотами. И дом был весь в нечистотах — измазали потолок, полы, всё. Все-таки потом, когда пропели петухи, (каликандзары) ушли (епархия Гревены) [Σιέττος 1975: 324].

Неслучайны многочисленные свидетельства информантов, что дерево должно быть колючим, что это должен быть терновник. Иногда признака «колючести» оказывалось достаточно, и дерево даже не нужно было жечь. На Эвбее, например, вносимую в Сочельник колючую ветку (*σπαλάρθι* < *ασπάλαθος* 'колючий кустарник, которым огораживают дом') только держали в дымоходе все двенадцать дней, «чтобы отпугнуть каликандзаров» [Παπαλοστόλου 1964: 43]. В других случаях — независимо от того, что именно тлело в очаге, — важным представлялся сам факт окуривания дома, и равноценной заменой полену становились старые башмаки (Эпир) или тряпки (Эвритания, центр. Греция) [Σαμαράς 1964: 94], которые на Рождество бросали в огонь, чтобы их «тяжелым» запахом отпугнуть демонов.

Только в двух случаях (наравне с традиционными объяснениями — «от каликандзаров») добавляли, что жгут в очаге дерево, чтобы согреть Богородицу, которая в это время «вновь рождает» (*ξιλιχουνέβ' η Καλότχ' η Παναϊά*) (эпир. Загори) [Λαζαρίδης 1977: 711], или замерзшего Христа (центр.-макед., горные деревни Пиерии) [Καρπατάκης 1981: 89]. Кроме того, в местечке к северо-востоку от Салоник (*Μπαλάφτσα*) в очаг к дубовому полену, пеплом от которого сыпали вокруг дома, чтобы отогнать святочных демонов, клали еще и камень, по форме напоминающий курицу, а по простествии двенадцати дней во время обхода священником села кидали этот камень вслед процессии [Κοσμάς 1965: 224] (ср. это с мегленорумынским названием *бадняка* — *cloșcă* или *cfacica* (квочка) [Pamfile 2005: 283].

⁵ Имеются и противоположные свидетельства: в деревне Календзи (эпир. Янина) на Рождество кладут в огонь кедровые ветки, чтобы «хорошо пахло в доме».

Очевидным славянским заимствованием является записанное в центральной Македонии (Эдесса и Науса) *μπάδνικ* [badnik] ‘полено, которое хозяин вносил в дом в Сочельник со словами: *Καλώς μας ἦρθαν τα Χριστούγεννα!* [Добро пожаловать, Рождество!]’ [Καρπατάκης 1981: 89]. Фиксируются также названия *μαμμῆ* (бабушка) (Пелопоннес, Калаврита) [Σιέττος 1975: 321] и *μπάμπω* (старуха) (без географической пометы [Μέγας 1949: 117], имеющие юго-западно-болгарские соответствия — *бабка* и (возможно) *дедник* [Седатова 1998: 306], которые, с одной стороны, указывают на связь обряда рождественского полена с культом предков, а с другой стороны, отражают отношение к дереву как к живому существу. В последнем и заключается главное отличие новогреческой традиции от традиций балканских славян — несмотря на отмеченные термины *μαμμῆ* и *μπάμπω*, рождественское полено никогда не антропоморфизуется, его не кормят, не одевают, у него нет «рта» или «бороды», как в ряде славянских регионов на Балканах [Плотникова 2004: 101]. Как показывают предыдущие примеры, полено — это просто чурка, пень, корень, куст, ветка, дымом от которых отгоняют каликандзаров.

Примечательно, что при полном отсутствии предписаний, каким образом дерево должно быть срублено, как с ним следует обращаться в доме в течение всего святочного периода (как это демонстрирует славянский материал), в греческих свидетельствах достаточно подробно изложено то, как поступать с обгоревшими щепками от рождественского полена, пеплом и золой, оставшимися от его горения: из оставшегося дерева делают крест, который ставят на поле для защиты от града (Закинф), или крестики-обереги для овец и коз (Эвритания); зарывают щепки в винограднике, чтобы град не побил посевов (Эдесса, Науса), бросают в амбар, где они лежат до нового урожая (вост.-фрак. Σκόπελος, Пётра — περιφέρεια Σαράντα Εκκλησιών); сыплют золу на поле, чтобы головня не портила пшеницу (Хиос), и в огороде, чтобы не болели растения и овощи (Кардица). Пеплом и золой обсыпали дом и хлев «для защиты от тех, кто снаружи и внутри», подмешивали в воду для купания детей. Кроме того, по единичному свидетельству из Калавриты (Пелопоннес), при помощи «двенадцатидневного пепла» (δωδεκαήμερίτικη στάχτη) [Σιέττος 1975: 321] можно было испортить жениха.

В дополнение к уже отмеченным греко-славянским культурным и языковым параллелям, связанным с обрядом рождественского полена, хотелось бы сделать еще одно замечание. В феврале 1966 г. Василики Манкули в деревне Лазарина (Кардица, Фессалия) была сделана следующая запись: «Рано утром хозяйка, разводя огонь в очаге, кладет большое полено (κούτσουρο),

которое горит все дни вплоть до дня св. Василия. Если полено не сгорит раньше этого времени, тогда говорят, что оно *овасилилось*, что, без сомнения, сулит дому веселье» [Πολύ πρῶί η νοικοκυρά ανάβοντας την φωτιά στο τζάκι βάζει ένα μεγάλο ξύλο (κούτσουρο) που καίγει όλες τις μέρες μέχρι του Αγίου Βασιλείου. Εάν το ξύλο κρατήση και δεν σβαστεί τότε λένε ότι β α σ ί - λ ε υ ε και ασφαλώς είναι χαρούμενο και για το σπίτι] (рукопись ΛΑΙ, Σειρά 1–3, 1964–1967, с. 54). Перевод *βασίλευε* как *овасилилось* весьма условен, потому что это слово, будучи произнесенным по-гречески, вызывает у грекоговорящего собеседника сразу несколько ассоциаций. Прежде всего, с заходящим солнцем — греч. *ήλιος εβασίλευε* ‘солнце зашло, погасло’ — и тогда выражение *κούτσουρο βασίλευε* будет прочитываться как ‘полено догорело, погасло’. Кроме того, *βασίλευε* отсылает нас к св. Василию и Васильеву дню, когда должно догореть полено (уникальное свидетельство, потому что полено, как правило, держат в очаге до Крещения), чем и оправдан перевод «овасилилось». Известно, что в разных славянских традициях имя св. Василия ассоциировалось с весельем и в день св. Василия предписывалось веселиться, чтобы новогодняя магия первого дня обеспечила на весь год удачу и здоровье (см. статью *Новый год* [СД III, 2004: 415–419]). В этой связи обращает на себя внимание продолжение фразы: *ασφαλώς είναι χαρούμενο και για το σπίτι* [без сомнения, сулит дому веселье]. Имеющегося в нашем распоряжении материала не очень много, чтобы наверняка утверждать, что внутри греческой традиции имя св. Василия связано с концептом веселья, так же как и в традициях славян. Однако его достаточно, чтобы привлечь внимание к этому вопросу, тем более что в центральной зоне Южной Славии (западная Сербия, восточная Босния и Герцеговина, Черногория) компактный ареал формируют табуированные названия рождественского полена, связанные с корнем *vesel- [Плотникова 2004: 97].

Картографируя славянские названия *бадняка*, А. А. Плотникова пишет, что «в периферийных зонах, на крайнем западе (западная Словения, п-ов Истрия в Хорватии) и на востоке (Пирин в юго-западной Болгарии) отмечаются два типа названий, во-первых, непосредственно соотносимых с антропоморфным образом «бадняка»: ю.-зап. *дедник*, *бабка*; во-вторых, наименования с общим родовым значением ‘полено’, ‘пень’, ‘ствол дерева’, ‘корень’, ‘балка’. <...> Ряд словенских и болгарских названий «бадняка» — производные от наименований рождественских праздников: <...> ю.-з.-болг., в.-болг. *коладник* (Котел, западные Родопы), *коледско дърво* (Странджа) [Плотни-

ва 2004: 98–99]. Очевидно, что выделенные номинационные модели реализуются и на греческом материале: *полено, колядник, христово дерево, бабка*. Исключение составляет *скаркандзал*, возможно, позднего происхождения, которое отражает современные новогреческие представления о том, что подерживая огонь в очаге в продолжение двенадцати дней, можно отпугнуть от дома каликандзаров. Отметим, однако, что, несмотря на сохранившиеся названия, внутренний смысл обряда утрачен, и в практике жечь на Святки полено видят лишь средство защиты от святочных демонов.

В то же самое время в ряде локальных традиций продолжает существовать обряд «женильбы огня (очага)», представляющий собой вариант ритуала получения «живого» огня в новом году и в силу своей архаичности имеющий большее количество сходжений со славянским *бадняком*.

Литература

- Гура 2012 — Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. Москва, 2012.
- Зайковские 2001 — Зайковская Т. В., Зайковский В. В. Этнолингвистические материалы из Северной Греции [с. Эратира, округ Козани] // Исследования по славянской диалектологии 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 152–182.
- Плотникова 2004 — Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Седакова 1998 — Седакова И. А. Святочно-новогодняя терминология и обрядность болгар в свете ареологии. К постановке проблемы // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 5: Актуальные проблемы славянской лингвогеографии. М., 1998. С. 284–313.
- СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. I–V. М., 1995–2012.
- Pamfile 2005 — Pamfile T. Sărbătorile la români. București, 2005.
- Δεληγιάννης 1934 — Δεληγιάννης Β. Σύμμεκτα λαογραφικά του χωριού Δογαν – και Μαλγαρων // Αρχεῖον του Θρακικού λαογραφικού και γλωσσικού θησαυρού. Περιοδικόν σύγγραμμα εκδιδόμενον υπό υποτροπής Θρακων, διευθυντής Πολυδ. Παπαχριστοδούλου. Εν Αθήναις, 1934–35. Τ. Α'. Σσ. 32–37, 143–146.
- Διαμάντης 1980 — Διαμάντης Κ. Α. Λεξιλόγιο του χωριού Ροδαυγή των Τζουμέρκων // Ηπειρωτική Εστία. Ιωάννινα, 1980. Έτος ΚΘ'. Σσ. 827–836.

- Καρπατάκης 1981 — *Καρπατάκης Κ.* Παλιά χριστουγεννιάτικα ήθη και έθιμα [το Δωδεκάμερο των Χριστουγέννων] 3. Αθήνα, 1981.
- Κοσμάς 1965 — *Κοσμάς Ν. Β.* Λαογραφικά της Μπαλάφτσας // Μακεδονικά. Τ. 6 (1964-1965). Εν Θεσσαλονίκη, 1965. Σσ. 211-236.
- Λαζαρίδης 1977 — *Λαζαρίδης Κ. Π.* Από τα λαογραφικά του χωριού μου [Κουκουλιού-Ζαγοριού] «Παραδοσιακά έθιμα σύμφωνα με το εορτολόγιο και τους μήνες» // Ηπειρωτική Εστία. Ιωάννινα, 1977. Έτος ΚΣΤ΄. Σσ. 706-719.
- ΛΑΙ — Χειρόγραφα Λαογραφίας. Θεσσαλικά. Φοιτητών Φ. Ιωαννίνων. Σειρά 1-3. 1964-1967. Έδρα Λαογραφίας, καθ. Δ. Λουκάτος. Χειρόγραφα Λαογραφίας. Θεσσαλικά. Φοιτητών Φ. Ιωαννίνων. Σειρά I-III. 1964-1967. Έδρα Λαογραφίας, καθ. Δ. Λουκάτος. Από τα Χριστουγεννιάτικα έθιμα του χωριού Λαζαρίνα Καρδίτσας. φοιτ. Γ΄ έτους, Βασιλική Μαγκούλη από τη Λαζαρίνα Καρδίτσας. Σσ. 53-56.
- Λουκάτος 1979 — *Λουκάτος Δ. Σ.* Χριστουγεννιάτικα και των γιορτών. Αθήνα, 1979.
- Μέγας 1949 — *Μέγας Γ. Α.* Ζητήματα ελληνικής λαογραφίας // Επετηρίς του λαογραφικού αρχείου. Εκδομένη επιμελεία του διευθυντού του αρχείου. Πέμπτον και Εκτόν έτος, 1943-1944. Εν Αθήναις, 1949.
- Μήτσης 1990 — *Μήτσης Β. Δ.* Το δωδεκαήμερο στο Παγώνι [Ηθη και έθιμα - παραδόσεις - κάλαντα - γλωσσάρι] // Ηπειρωτική εστία. Ιωάννινα, 1990. Έτος ΛΘ΄. Σσ. 463-472.
- Σιέττος 1975 — *Σιέττος Γ. Β.* Έθιμα στις γιορτές. Πειραιάς, 1975.
- Παπαποστόλου 1964 — *Παπαποστόλου Τ.* Λαογραφικά της Ευβοίας. Ευβοία, 1964.
- Σαμαράς 1964 — *Σαμαράς Η. Κ.* Λαογραφία Κλειστού Ευρυτανίας. Αθήνα, 1964.